

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Алекс	5
Глава 2. Алекс	20
Глава 3. Алекс	29
Глава 4. Алекс	39
Глава 5. Грегор	56
Глава 6. Грегор	64
Глава 7. Алекс	71
Глава 8. Алекс	79
Глава 9. Алекс	87
Глава 10. Грегор	94
Глава 11. Алекс	101
Глава 12. Алекс	110
Глава 13. Алекс	118
Глава 14. Грегор	129
Глава 15. Алекс	137
Глава 16. Алекс	145
Глава 17. Грегор	155
Глава 18. Алекс	163
Глава 19. Грегор	172

Глава 20. Грегор	190
Глава 21. Грегор	200
Глава 22. Алекс	208
Глава 23. Алекс	219
Глава 24. Грегор	228
Глава 25. Алекс	243
Глава 26. Алекс	249
Глава 27. Алекс	260
Глава 28. Алекс	268
Глава 29. Грегор	280
Глава 30. Алекс	288
Глава 31. Грегор	294
Глава 32. Грегор	301
Глава 33. Алекс	309
Глава 34. Грегор	318
Глава 35. Алекс	326
Глава 36. Алекс	332
Глава 37. Грегор	341

ГЛАВА 1

АЛЕКС

Все вокруг — пламя, пламя и ничего, кроме пламени.

Горький дым забивается в нос, проникает в легкие и даже глубже — от удушливого запаха гари не скрыться, от жара не спрятаться. Я бросаюсь к дверям небольшой комнаты и, едва прикоснувшись к ручке, отскакиваю в сторону, обжегшись.

Где-то вдалеке звучат приглушенные крики родителей и низкий мужской голос. Незнакомый. Огонь вырывается из-под дверей, сверкает за небольшим окном и грозит поглотить весь наш дом и меня вместе с ним. Потолок потрескивает, простенькие обои полосами отходят от тонких стен — еще немного, и те сгорят целиком. Тогда я останусь с пламенем один на один. С голодным, жарким пламенем, готовым уничтожить все на своем пути.

— Мам! — кричу я, задыхаясь, и тут же давлюсь остатками воздуха. Валюсь на пол, схватившись за горло, и часто-часто моргаю в попытках разглядеть в дыму хоть что-нибудь. Не сдаваться. Все будет в порядке. Это всего лишь пожар — не самое страшное, что может случиться в Либерти-Сити. — Пап!

Но никто не откликается. Из соседних комнат доносится грохот, сразу за ним — короткий звук выстрела. Затянутая дымом комната озаряется ослепительной вспышкой и меня отбрасывает в сторону — я больно бьюсь спиной о каркас кровати, из легких вышибает воздух.

Твою мать. Перед глазами пляшут цветные искры, очертания комнаты утопают в дыму, смазываются, и уже спустя мгновение не видно ничего, кроме танцующих под потолком языков пламени. Вот так запросто я и умру? В семнадцать лет, едва проснувшись посреди ночи от противного запаха гари и жестоких прикосновений пламени?

— Мам! — из последних сил кричу я, хоть и знаю, что никто не откликнется на зов.

Только идиот не в курсе, что означают выстрелы в Либерти-Сити. Пожар выстрелом не потушить, а вот решить пару вопросов — запросто. Но неужели мама с папой перешли дорогу кому-то из Отбросов? Мы столько лет играли по их правилам, не может быть, чтобы нас решили убрать.

Сил думать уже не остается. Слабость окутывает тело словно тяжелое одеяло зимой, и сознание медленно покидает меня. Все будет в порядке. Люди умирают каждый день, мне ли об этом не знать — из родного Либерти-Сити то и дело кто-то пропадает. Кому-то засаживают пулю в лоб, кто-то уезжает из Майами и уже никогда не возвращается, а кто-то тонет на одном из красивых туристических пляжей.

Мне же, видимо, уготована смерть в огне. Стоит лишь вдохнуть поглубже, будет совсем не больно.

Нem!

Кое-как поднявшись, я на ватных ногах шагаю к дверному проему — дверь уже отлетела в сторону, и теперь он напоминает скорее охваченную пламенем арку, но иначе из комнаты не выбраться. Окно оплавилось и теперь похоже на грязный свечной воск, но дверь... Может, удастся позвать на помощь. Может, хоть

кто-то в Либерти-Сити додумался позвонить в службу спасения. Может, пожарные все-таки успеют приехать.

В ушах эхом отдается еще один выстрел, следом — другой, а затем — пронзительный женский крик.

— Мама!

Но никто не слышит меня, потому что кричать я больше не могу. Только обессиленно шепчу, кашляя каждые несколько секунд. Прикрываю нос в попытках защититься от едкого дыма, но толку от этого никакого. Да чтоб его!

Потолочные балки в соседней комнате уже обвалились на пол и догорают, разбрасывая вокруг мелкие искры. Перебраться через них в таком состоянии — все равно что выбраться с тонущего «Титаника», у меня уж точно не получится. Я без сил падаю рядом, прямо как очередная балка. Правое плечо обжигает болью, а с губ срывается хриплый стон.

Нужно доползти до дверей. До окна. Сделать хоть что-нибудь, иначе моя жизнь и вправду оборвется — и это будет вовсе не глупая шутка соседских ребят, не угроза папы, который вечно переживал обо мне сверх меры. Да пусть бы хоть весь испереживался сейчас, лишь бы был в порядке.

Звучит новый выстрел, а затем голоса впереди стихают. Лишь пламя гудит и потрескивает, пожирая маленький дом нашей семьи — еще немного, и от него останется лишь обгорелый каркас, горстка пепла да уродливые остатки мебели. И мое обугленное тело. В новостной ленте потом всплывет идиотский заголовок вроде «Алекс Нотт — девочка, которая не доползла».

Дура, у тебя же телефон в кармане — просто позвони девять-один-один! Но стоит залезть в карман просторных спортивных штанов, как оказывается, что никакого телефона там нет — лишь несколько мелких монет. Должно быть, он выпал, когда меня откинуло в сторону взрывом. Остался валяться рядом с кроватью, а я и не заметила.

Вернуться за ним в спальню — значит подписать себе приговор. К тому же теперь я не в состоянии и шагу

ступить: все тело словно налилось свинцом, а голова кружится не хуже, чем после шумной вечеринки. Боже, лучше бы я перепила, а не вот это вот все!

Кашель царапает горло и кажется, еще немного, и я выкашляю легкие, только проще не становится. Проходит секунда, другая, а может, и целая вечность, и когда-то симпатичная гостиная, сейчас похожая на картинку из апокалиптического фильма, погружается во тьму.

— Найдите хотя бы девчонку, — раздается где-то над головой смутно знакомый голос. — Если эти свиньи сплавляли мои деньги на сторону, то отдуваться за них будет мелкая. Давайте, быстро, пока она не сдохла. И пока здесь снова не появился этот заносчивый засранец со своими подпевалами. Быстро!

Каждый вдох отдается жаром и болью в легких, а глаза неприятно слезятся, но я изо всех сил стараюсь вспомнить, чей же это голос. Низкий и грубоватый, самовлюбленный до невозможности — да в Либерти-Сити так разговаривает добрая половина Отбросов!

— Сегодня не твой день, Моралес, — звучит неподалеку другой голос, куда более приятный, но совсем незнакомый. Мелодичный, шелестящий и, кажется, молодой. С заметным испанским акцентом.

Однако мне уже не до того. Моралес! Бакстер Моралес! Босс Отбросов собственной персоной — и под девчонкой он наверняка подразумевает меня. Нужно валить отсюда, пока я еще цела. Обо всем остальном подумаю потом. Если родителей накрыл сам хозяин Либерти-Сити, то мне крышка. Но сдвинуться с места не выходит, как бы я ни старалась.

Перекатившись в сторону, я оглушительно кричу от боли и широко открываю глаза. Бакстер и незнакомый мужчина, чей силуэт сокрыт облаком дыма, стоят в паре шагов от меня и смотрят друг на друга. В отблесках огня, в танцующих вокруг тенях их толком не разглядеть. Но кое-что все-таки видно. Бакстер оборачивается, едва услышав мой голос, и остатки волос на блестящей

от пота голове спадают на перекошенное от злости вспотевшее лицо.

Одудловатый, в респираторе и со стволом в руках, он наставляет оружие на мужчину и улыбается во весь рот.

— Проваливай, пока жив, — говорит Бакстер, угрожающе покачивая пистолетом. — Девчонка пойдет со мной. Как подрастет, сможет отработать те десятки тысяч, что торчали мне Нотты по твоей милости.

Ответа я уже не слышу, он тонет в оглушительном реве пламени и новой вспышке яркого света. Несмотря на боль во всем теле и жуткий кашель, я прикрываю лицо руками и сжимаюсь в углу комнаты, будто стараюсь превратиться в незаметную пылинку.

Пожалуйста, только не это. Только не вслед за родителями. И пусть потом меня будет преследовать боль в десятки раз худшая, чем сейчас, мне до жути хочется выжить. Да, адреналин отступит в сторону и на меня огромной глыбой обрушится осознание произошедшего, но будущее сейчас волнует меня в последнюю очередь.

Очень может быть, что никакого будущего у меня вообще не будет.

Пока есть только настоящее, где я трясусь от страха, когда надо мной размахивает пистолетом один из самых опасных преступников Майами. Самый жадный и жестокий из всех, кого я только знала. Бакстер Моралес. Надменная жирная свинья.

Но уже спустя мгновение помещение заполняет нечеловеческий вой, звуки беспорядочных выстрелов и запах паленой плоти. Кто-то шипит прямо у меня над ухом и хватает меня за руку.

— Твою мать! — ору я во все горло, едва почувствовав жжение в районе правого запястья. Больно так, будто его залили раскаленной лавой от основания ладони почти до локтя.

Перед глазами простирается белая пелена, и не видно ничего, кроме смутно различимых светлых глаз.

Совершенно незнакомых. *Чужих.*

— Вставай, Алекс, — шелестит голос совсем рядом, и дыхание обжигает хлеще огня. — Иначе ты отсюда уже не выйдешь.

Да. Нужно встать и бежать, пока не очнулся Бакстер. Поганый ублюдок, пристреливший моих родителей и пожелавший забрать меня за долги. Что бы он со мной сделал? Продал в бордель или заставил шариться по улицам вместе с остальными Отбросами? Но мысли беспорядочно сменяют друг друга, сосредоточиться не получается ни на чем, кроме боли. Кто со мной говорит? Чьи это глаза?

— Вот дерьмо, босс, ты что здесь устроил? — третий голос, звонкий, тоже с акцентом, но намного более ярким. Да что происходит? — Валите отсюда, пока еще не поздно!

И когда серые глаза оказываются ко мне непозволительно близко, я наконец теряю сознание. Пол уходит из-под ног, а тлеющий потолок над головой идет кругом и превращается в уродливое черно-красное пятно.

Я подскакиваю на кровати в старой тесной каморке в Овертауне и с ужасом смотрю на правую руку. Черные линии переплетаются вдоль запястья, складываются в узор, смутно напоминающий кельтские руны, опутанные терновыми ветвями. Метка — знак тех, кто в нашем поганом мире стоит чуть выше остальных.

Но у вселенной поганое чувство юмора и мне, как и большинству, не досталось особых способностей — у меня есть только метка, проступившая на коже после злополучного пожара трехлетней давности, что преследует меня в ночных кошмарах. Тогда я тоже проснулась в постели посреди ночи, но в собственном доме, а не в старой каморке в Овертауне, как сейчас.

Дурацкий знак для одного только и годится — разглядывать цвет чужой ауры. Неужели нельзя было наградить меня чем-то получше? В тот день я потеряла родителей, дом и лишилась спокойной жизни, разве не заслужила чего-то полезного взамен? Сверхсил, воз-

можности влиять на чужие умы или хотя бы умения летать. Так много прошу, что ли?

Да, ужасно много. Вселенная и так уже отплатила мне чудесным спасением: до сих пор не знаю, что за ангел-хранитель с серыми глазами спас меня три года назад. И главное — нахрена?

Я подхожу к зеркалу, кое-как приглаживаю непослушные волосы и накидываю просторный балахон поверх топа. В карманах болтаются мелкие отмычки, отвертки и даже небольшой нож. Выходить на улицу без оружия — ищи дурака, больше такой ошибки я не совершу. И, натянув рукава пониже, чтобы скрыть метку, я выглядываю из дома.

Солнце давно скрылось за горизонтом, но здесь полно народу: есть даже новые лица. Дурачки, которых давно не грабили и не избивали, видимо. Кто в здравом уме сунется в Овертаун ночью? Один парень шагает вдоль приземистых домов, изрисованных граффити, с телефоном в руках. Видео для социальных сетей снимает? Твою мать, ну и идиот.

Впрочем, до него мне нет никакого дела. Я давно уже не та семнадцатилетняя дуручка, что звала родителей в пылающем доме и тряслась, когда ублюдок Бакстер размахивал надо мной пушкой. Нет. Алекс Нотт — одна из лучших воровок в подчинении старого Гарольда из Овертауна.

И никакой Бакстер мне больше не указ. Я размажу его по стенке. Но чуть позже, сегодня у меня в планах только разжиться денежками, а дальше как пойдет — может, кто-нибудь из группировки старого Гарольда подкинет работенку.

Говорят, Майами — худший город во Флориде, город туристов и преступников, об этом я знаю не понаслышке. Только туристка из меня не вышла, пришлось с головой погрузиться в омут, который жители окрестных городов ласково зовут темной стороной Майами.

Наивные, это единственная его сторона.

Я достаю из кармана безразмерного балахона металлическую отмычку и с легкостью вскрываю навесной замок на двери небольшого магазинчика. На небесах сверкают звезды, а над городом нависает полная луна — идеальная ночь для маленькой кражи, не так ли? Оглянувшись вокруг, подмечаю рядом лишь машину какого-то богатея — здоровенный черный внедорожник припаркован неподалеку, — но больше на улицах ни души. Вот и замечательно.

Не то что в Овертауне или Либерти-Сити, где по ночам жизнь только начинается. Но воровать у своих или у Отбросов я не стала бы ни за что. Не хватало еще, чтобы из-за этого за мной потом гонялась половина города, быть может, во главе с самим королем Майами — Змеем. Хотя какое ему дело до грызни пары мелких группировок? Но ребята поговаривают, что он контролирует все. Не удивлюсь, если и за мелкими кражами вроде сегодняшней он следит через связных. Украдкой обернувшись, я вздрагиваю и смахиваю замок в карман, словно тот никогда и не висел на двери.

Пробираюсь внутрь тихо, как мышь, и бросаю взгляд на потолок — там никаких камер, только старенькое зеркало. Чего и стоило ожидать от семейной сувенирной лавки в Маленькой Гаване. Этим местечком управляет пара старых кубинцев, и сколько бы их ни обчищали, они так и не решились что-то изменить. Разве что охранника наняли.

Вот того самого, что храпит неподалеку и даже не видит, что в его драгоценный магазин забрались самые ловкие ручки по эту сторону океана. Довольно улынувшись себе под нос, я поднимаю кулак — подаю сигнал своему единственному подельнику и лучшему другу, Терри Льюису.

— Не бойся, — хмыкаю я, едва не закатив глаза. — Твоей заднице ничего не грозит. Я здесь не впервые, так что никто не узнает, как обычно.

— С твоими талантами можно замахнуться на что-то покруче сувенирной лавки, — отвечает Терри и про-